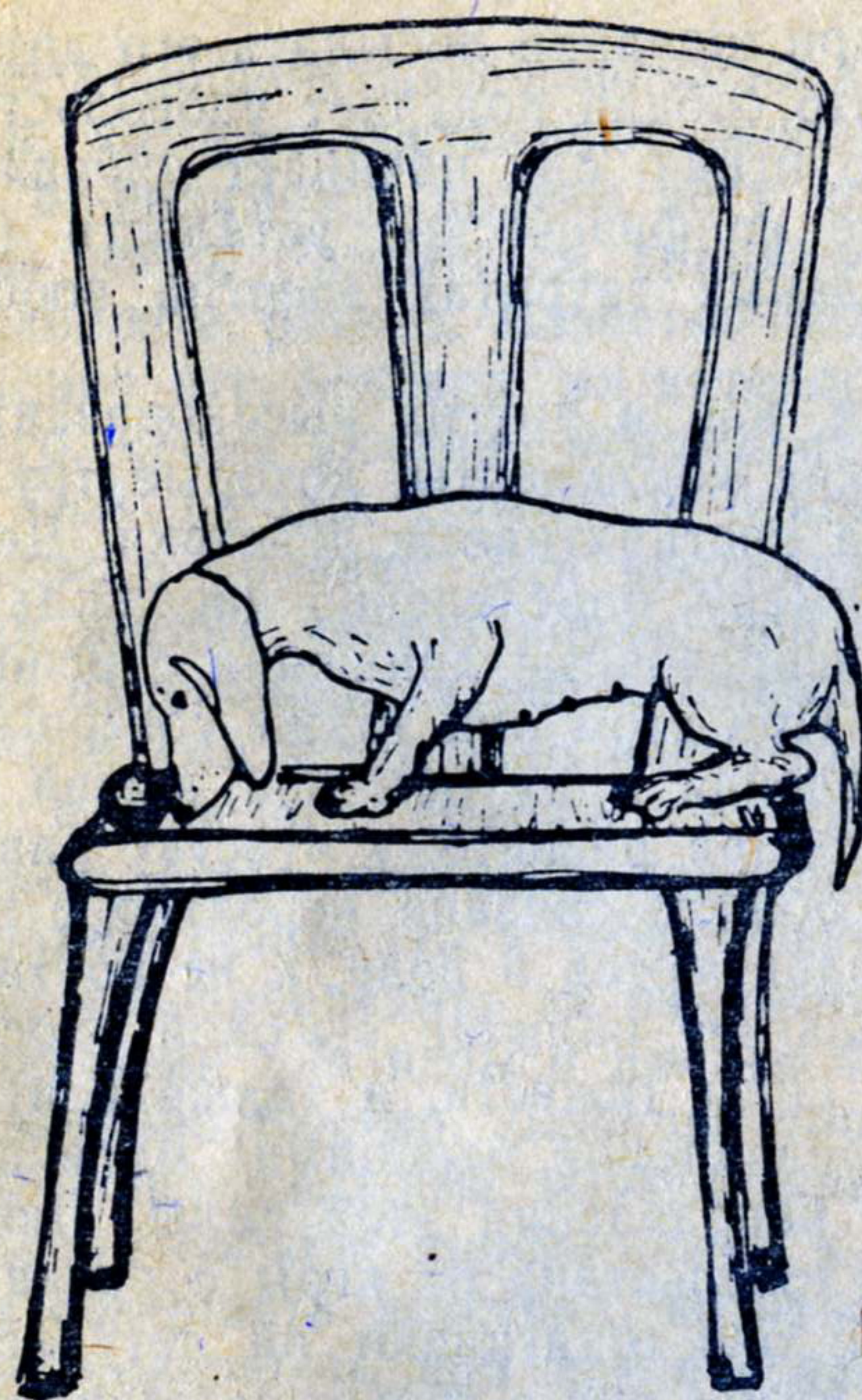

слишком сильны для такой игры, с увлечением играли со мной в следующую игру: я сгибал указательный палец и подносил его к углу рта собаки, предлагая разогнуть его. И, играя, собака точно определяла, какое усилие выдержит мой палец и как можно с ним играть, не нанося повреждений. Но если в той же игре я помещал палец, например, в картонный футляр, собака лишалась возможности регулировать силу укуса и могла, сильно схватив зубами, повредить палец; при этом она не понимала, почему ее за это ругают. Дело в том, что с подобными картонными футлярами она обычно делала что угодно. Когда же я подавал собакам руку в перчатке, сдерживающие комплексы сохранялись, и за палец они меня сильно не хватали.

Небольшая помеха, например почти любой интересующий или немного пугающий звук, заставляет собаку прекратить игру. Так, игры, включающие действия, характерные для агрессивного настроения, или совокупительные движения (последние обычно у щенка), немедленно прекращаются, если собака получит хотя бы небольшое побуждение к другому действию. Запах пищи тоже может заставить ее прекратить игру, она бросится выяснять, откуда он идет, а появление знакомого человека вызовет желание поприветствовать его и т. п. В состоянии настоящей агрессивности или при действительном желании спариваться собака совершенно не реагирует на подобные раздражители, относящиеся к другой сфере деятельности, а продолжает начатое действие до тех пор, пока существует его объект или пока оно не доведено до конца.

Помимо чисто врожденных форм поведения игры собак включают также много такого, что не является обычными инстинктами, но в то же время приводит к ситуации, способной вызвать приятное инстинктивное действие. Бывает, что собака, держа в зубах мяч, вспрыгивает на стул и случайно роняет мяч, который оказывается на полу. Отскоки и вращения мяча вызывают у собаки действия, направленные на то, чтобы снова схватить его зубами. Разумеется, для нее это приятное игровое действие, и в результате животное очень быстро приучается прыгать на стул специально для того, чтобы сбросить мяч на пол и схватить его снова. То обстоятельство, что собака не знает, в каком направлении покатится мяч, упав на пол, является стимулом для повторной игры. Здесь лишь схватывание мяча зубами основано на инстинктивных действиях. Моя такса-дочь даже в возрасте семи лет проделывала этот номер десятки раз подряд, только бы схватить упавший со стула мяч. На ее морде было написано (по крайней мере мне так казалось), что самое привлекательное в этой игре — фактор непредсказуемости. В такой игре можно трясти мячом, т. е. совершать то же движение, что и при удушении мелких грызунов. Эта же такса любила и другую, более оригинальную игру: когда к нам в дом приходил кто-нибудь из хороших знакомых, она приносила мяч (естест-

Такса скатывает мяч со стула, бросается за ним и хватается зубами. Собака выучилась этому трюку самостоятельно и многократно его повторяла. А интригует ее, очевидно, невозможность предугадать, куда покатится мяч.

венно зная, где он находится) и своеобразным неуклюжим движением принималась подбрасывать мяч в воздух, стараясь, чтобы он покотился к ногам гостя. Но она умела еще направлять мяч кончиком морды в сторону человека или другой собаки. Если товарищ по игре возвращал мяч обратно, такса отправляла его назад осторожным движением морды. Конечно, она не могла делать это с большой точностью, но направление движения мяча редко отличалось от требуемого более чем на 30°. Это говорит о точности, вполне достаточной для данной игры, поскольку товарищу по игре не нужно даже трогаться с места, чтобы отправить мяч обратно. Игра простая, но с этологической точки зрения истолковать ее нелегко. Не ясно, является ли движение, направленное на перемещение предметов в заданном собакой направлении, действительно врожденным. Какую пользу принесла бы подобная способность собаке и волку помимо чисто игровой функции?

По-видимому, такой способностью обладает немало собак. Вместе с тем не велось наблюдений за тем, как собака могла научиться выполнять эти движения. А быть может, она способна выполнять их не обучаясь, как, скажем, гусыня подкатывает к себе яйцо)? Позволяет ли случайное движение мяча в раз-

ных направлениях научиться при желании посылать его другой собаке? Нам известно лишь, что собака получает удовольствие от такого умения и что, долго играя, она начинает проявлять признаки психической, а вовсе не физической усталости (последняя при таких незначительных затратах энергии вообще отсутствует).

Следовательно, игры собаки, как и других высокоразвитых животных, могут включать такие компоненты, которые трудно объяснить одними ссылками на инстинктивные действия. Дельфины или морские львы, к примеру, определенно наслаждаются, делая разнообразные балансирующие движения с использованием палок, мячей и т. п. При этом они также совершают действия, не находящие применения в их обычной жизни, но на которые они способны благодаря развитому чувству равновесия. Такая удивительная способность связана, вероятно, с тем, что эти животные обычно передвигаются в воде, а не по твердому субстрату, и это предполагает наличие высокой способности определять направление силы тяжести, а также контролировать (без информации, передаваемой мышцами) малейшие отклонения тела относительно направления этой силы. Любопытно, что вороны получают удовольствие от игры с раскачивающейся пожарной лестницей: они оттягивают на лету лестницу от стены и отпускают ее, чтобы она с грохотом ударилась о стену. Это свидетельствует о том, что некоторые животные способны играть в довольно сложные игры, но никак не относятся к их обычным формам поведения.

Некоторые собачьи игры тоже можно считать своеобразным проявлением психического начала. В такие игры собака обычно играет, находясь в сравнительно спокойном состоянии, причем либо только с собой, либо с человеком, в обществе которого она совершенно спокойна. Но если человек пытается обратить внимание на что-то или заставить ее играть по своему желанию, то почти всегда настроение животного меняется и первоначальная «душевная» игра сменяется другой формой поведения; последняя тоже может быть игрой, но может быть и чем-то иным. Чем больше игра собаки по характеру напоминает игру животного, живущего в стае, тем больше в ней элементов врожденных действий. Лишь пару раз мне довелось наблюдать, как мои таксы проделывали «фирменный» номер со скатыванием и доставанием мяча с пола, играя вместе. А вот в бурные игры с нападениями и преследованием они даже в старости играли вместе едва ли не ежедневно.

Совместные игры собак должны стать предметом тщательного анализа. Их можно грубо подразделить на игры, содержащие агрессивные действия, и игры, содержащие слежение и тому подобные групповые действия. К третьему типу игр относятся уже рассматривавшиеся игры самого разнообразного характера и сугубо индивидуальные, основанные на использо-

вании приобретенных рефлексов и на тех элементах неожиданности, которые составляют основу игровых действий. Последние, по-видимому, далеко не у всех собак проявляются достаточно четко. Разумеется, границы между разными типами игр не слишком резкие. Известно подробное, научно обоснованное описание игр боксера, из которого, однако, нельзя почерпнуть ничего, кроме анализа механизма совместных игр представителей этой породы. Думается, боксер вполне способен и к играм «высокого уровня». Эти последние гораздо труднее изучать с точки зрения чистой науки, они не наблюдаются даже у всех собак одного помета, воспитываемых вместе.

Во время игры одно какое-то действие неожиданно ослабевает и исчезает, сменяясь другим. Поэтому для тщательного анализа игры, носящей, например, агрессивный характер, необходимо прибегать к кино съемке. Невооруженным глазом невозможно проследить за изменениями мимики собак, столь характерными для игры и именно во время игры происходящими необычайно быстро. Любопытство, а вернее, желание исследовать — очень важный возбудитель самых обычных игр собаки. Молодая собака, приближаясь к незнакомому предмету, начинает совершать действия, которые позднее, став взрослой, она будет совершать при преследовании или поимке добычи. Незнакомый, немного пугающий предмет, если он только не возбуждает страха, приводящего к паническому бегству, у собаки, находящейся в очень игривом состоянии, может вызвать желание подкрасться и совершить быстрое нападение с использованием характерных для этого заключительных прыжков или «прыжков за мышью». После этого она хватает предмет и трясет его, словно перед ней небольшое млекопитающее. Так в играх собака аккуратно следует по тем «тропкам инстинктов», которыми она руководствуется при завершении совсем других жизненно важных для себя действий. Даже у двухмесячных щенков элементы агрессивной игры развиты настолько, что мы можем без труда различить движения, связанные с подкрадыванием, нападением, борьбой и даже убийством жертвы.

У одних собак более распространены игры, содержащие в качестве основных факторов элементы агрессивных действий, для других обычны игры, содержащие движения, необходимые для поимки добычи. Уже в играх щенка преобладают элементы, указывающие на активность собаки и свойства ее характера, которые проявятся позднее, когда она станет взрослой. Боксеры играют в основном в игры, где видное место занимают погоня и агрессивное поведение. Мои таксы, будучи щенками, помимо агрессивных очень любили игры, где приходилось много копать передними лапами. Такса, являясь породой норных собак, охотно копает землю в поисках мелких грызунов и делает это весьма основательно. Терьеры с особым удовольствием играют в игру, где необходимо изо всех сил вытаскивать какой-то

предмет; они готовы делать это как сообща, так и с помощью человека.

Подобные игры, как я полагаю, характерны для всех собак, правда в разной степени. Когда собака изо всех сил тащит какой-то предмет, ее мышцы изотонически напряжены, благодаря чему животное остается на месте и в том же положении, если хватка вдруг ослабевает. С ворчанием, которое все усиливается, время от времени повторяя встряхивающие движения и сильно вытягивая лапы вперед, собака пытается завладеть предметом, с которым играла. Для успешного завершения игры ей требуется всего лишь остаться на месте или поближе подойти к товарищу по игре и предложить ему игрушку, чтобы снова помериться силами. Сделав это, она быстро отбегает чуть назад, словно приглашая подругу включиться в преследование или другие действия и начать все сначала. Бег с игрушкой в зубах, как бы имитирующий бегство от соперника, по-видимому, отражает признаки разных настроений: тут наверняка прослеживаются позы, характерные для запрягивания добычи и переноса ее в другое место. В погоне можно обнаружить стремление следовать за другой собакой (некое подражательное движение), а также явное желание завладеть игрушкой.

Довольно часто моя такса-мать, отличавшаяся спокойным нравом (она, например, совершенно не интересовалась дичью), бывала подвержена настроению, которое мы в семье называли «настроением выдумщицы». Оно проявлялось только на открытом воздухе. В нем можно было проследить смесь любопытства и игривости, но при этом такса всегда была спокойна и весела. Медленно продвигаясь вперед и как бы изучая местность, она вдруг замечала вблизи себя какой-нибудь объект, возбуждавший ее интерес, но не показавшийся ей опасным. Это мог быть, например, кусок коры, плавающей в луже, или маленький красный клещ на прибрежной скале, а то и муравей, ползший по ее ногам или по земле, — одним словом, любой маленький движущийся предмет, не представляющий опасности. Так же такса реагировала на плеск волн в расселине скалы. Очень осторожно, но без робости и попытки подкрасться такса приближалась к заинтересовавшему ее предмету (при этом ее благодушная физиономия становилась еще более выразительной), очень внимательно осматривала его и пространство вокруг, обнюхивала, а иногда даже на миг погружала морду в воду, делая выдох. В течение всей процедуры, длившейся обычно несколько минут, собака выглядела очень довольной и слегка любопытной. Но самой незначительной помехи будь то оклик хозяина или волна рассекаемого пролетающей вблизи птиц воздуха — было достаточно, чтобы спугнуть благодушное настроение. Я лично назвал бы такое настроение проявлением «душевного начала». Ведь собака исследовала только те объекты, которые, как ей было известно заранее, незначительны и совер-

шенно безопасны, но в то же время неожиданны и непредсказуемы. Вероятно, последнее обстоятельство оказывалось решающим, как и в том случае, когда собаку интриговала невозможность предугадать, куда покатится мяч, который она сбрасывала со стула. С таким настроением у таксы мы сталкивались только в ясные теплые дни и при условии, что она была в хорошо знакомом месте и к тому же весьма спокойна.

Собаки с повышенным охотничьим инстинктом, как правило, больше интересуются играми, и этот интерес сохраняется у них даже в старости. С другой стороны, собаки, не интересующиеся охотой или поимкой добычи, и в играх не совершают действий, носящих ярко выраженный охотничий характер. Животные, склонные к агрессивности, играя, скорее оказываются в состоянии, быстро переходящем в агрессивное, но все же это нельзя назвать настоящим нападением. Лишь в том случае, если обе играющие собаки обладают агрессивным характером, дело может кончиться потасовкой. Если шерсть на спине играющей собаки вдруг поднялась, игривый тон «речи» изменился, значит, игра перешла в агрессивность, на что в первую очередь указывает более активное ведение игры; хозяин, знающий свою собаку, тотчас это заметит. Если же шерсть на спине стала дыбом, значит, собака готова защищать предмет, с которым она играла. Но товарищ по игре обычно быстро замечает перемену в ее настроении и, не мешкая, отказывается продолжать игру; его более не интересует игрушка, и он спокойно расстается с ней. В результате агрессивность исчезает, а с ней и желание играть.

Случается, что две собаки, равные по силе, оказываются в агрессивном состоянии одновременно. Если одна из них склонна проявить покорность, то она особо чувствительна к перемене настроения своей подруги. Так, такса-дочь каких-нибудь несколько секунд могла играть со своей матерью, когда они тянули веревку за концы в разные стороны. Игра начиналась с очень характерных призывных движений, инициатором обычно была мать. Однако игровое настроение дочери мгновенно прерывалось, как только в ворчащем голосе матери появлялись нотки агрессивности. Такса-мать, играя с дочерью, легко возбуждалась. Она терпеть не могла, когда дочь ворчала, и реагировала на это так, словно ворчание дочери было агрессивным. Зная, что она сильнее, мать тут же давала дочери наглядный урок. Дочь это знала, поэтому, заметив, что мать сердится, она, хоть и выражая явное неодобрение, уходила прочь и по крайней мере в течение получаса не соглашалась возобновлять игру. Если я придерживал веревку за середину, собаки могли спокойно тянуть ее каждая в свою сторону, и ворчание матери не становилось агрессивным. В этом случае игра продолжалась до тех пор, пока не наступала усталость или не возникало какое-нибудь отвлекающее обстоятельство.

Игра такс с проявлением дружелюбия порой продолжалась свыше десяти минут кряду. Когда мать и дочь стали старше, столь длительные игры были уже редкостью. Характерная особенность подобных игр: отдыхая, собаки — одна или обе — лежали на спине в позе, напоминающей крайнюю степень покорности, которую собаки обычно выражают, падая на спину. В такой позе они пытались несильно ухватить друг друга за лапу или за морду. Стычек игра не вызывала, а заканчивалась всегда тем, что одна из собак вставала и энергично встряхивалась: после игры следовало привести шерсть в порядок.

Подобная же игра является наиболее характерным смещенным поведением для собаки, узнавшей о предстоящем приятном событии. Часто одного обещания сводить на прогулку достаточно, чтобы вызвать игровое состояние. Характер собак и их опыт определяют форму взаимной игры.

Призыв к игре во всех случаях понятен и человеку, хотя он может выражаться многими способами. В одном случае собака в характерной, несколько аффектированной манере приближается к соплеменнице, в другом случае, вытянув передние лапы вперед, прижимается грудью к земле или бросается затем на спину, что также служит призывом. Несколько быстрых скачков в сторону будущего партнера по игре тоже характерное призывное действие. В этом случае собака раскачивает зад в такт активному размахиванию хвостом. Животное, призывающее к игре, держит уши в самых разных положениях. Общим является следующее правило: собака, выше стоящая на иерархической лестнице, держит уши торчком, сводя их как можно ближе над макушкой. При этом между ушами образуются продольные складки. Вместе с призывом к игре это должно означать, что собака настроена крайне дружелюбно и не испытывает страха. Это настроение подчас сопровождается некоторым половым возбуждением. Если же уши расположены по бокам головы, собака, призывающая к игре, находится в подчиненном положении и, возможно, слегка опасается партнера.

Но эти правила имеют множество исключений. Так, собака, являющаяся явным гегемоном, может проявить дружелюбие к слабой собаке. Это выразится в том, что уши у нее будут оттянуты назад. Собака же, проявляющая покорность, может настолько заинтересоваться игрой, что забудет о силе партнера, пока тот будет в хорошем настроении. Любопытно, что при этом положение ушей отражает настроение, проявляющееся в конкретный момент, а не иерархическое положение животных. Одно из самых характерных призывных действий — желание принести игрушку будущему партнеру. Скорее всего это действие приобретенное, и собаки обучаются ему очень быстро. Кроме того, собаки приывают к игре лаем или другими звуковыми сигналами. Индивидуальные различия велики, и каждый хозяин наверняка замечал у своей собаки черты, которые не

во всех деталях совпадают с описанными выше. На призыв собаки поиграть с ней, обращенный к человеку или к соплеменнице, во многом влияют среда и поведение самого человека.

Характерные для игр движения у взрослых собак сравнительно легко переходят в действия, относящиеся к половой активности. Возбужденная сука может вызывать у «ухажеров» игровые действия, которые, вероятно, следует рассматривать как смещенные, вместе с тем они выражают дружелюбное отношение кобеля. У своих такс я время от времени наблюдал ряд движений, вызванных каким-то случайным, нередко трудноуловимым для человека возбудителем. Вначале собака просто играла, затем — без всяких внешних дополнительных раздражителей — начинала кусать верхними зубами какой-нибудь мягкий предмет, то есть совершала действие, которое наблюдается при некоторой степени полового возбуждения и может как уже говорилось, перейти в выраженную готовность к совокуплению.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что игры собак отражают их хорошее настроение. Однако что собака при этом чувствует, мы не знаем. Впрочем, что мы сами чувствуем, будучи веселыми? Радость для нас это главным образом чувство удовлетворения от какого-то приятного события, свершившегося или предстоящего. Видимо, те же чувства испытывает и собака.

Игры и связанные с ними действия знакомят щенка и молодую собаку с окружающим миром и с сородичами. В игре укрепляются также мышцы. Поэтому можно предположить, что игры позволяют молодой собаке лучше подготовиться к разным жизненным ситуациям. Другое дело, что разобраться в них человеку не просто. Лишь случайно какие-нибудь особые формы поведения, выученные собакой в процессе игры, могут пригодиться ей впоследствии. По всей видимости, сказанное относится и к играм диких животных. Поскольку желание играть проявляется у всех высокоорганизованных животных, начиная с некоторых птиц, игры занимают важное место в формировании индивида.

III. ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ СОБАК

АССОЦИАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ И АКТИВНОСТЬ, БАЗИРУЮЩАЯСЯ НА РАЗУМНЫХ РЕШЕНИЯХ

Многие владельцы собак задумываются над вопросом, способна ли собака по воспоминаниям в какой-то определенной ситуации поступать наиболее разумно, невзирая на отсутствие ассоциативного опыта и на то, что ее врожденные инстинкты не могут помочь ей в выборе наилучшего способа действия. Чем лучше мы научимся понимать свою собаку, чем точнее сможем анализировать ее действия, тем яснее нам станет (по крайней мере должно стать, если, конечно, мы не дадим волю собственному воображению), что собака не является разумным существом в том смысле, как мы это понимаем. Вместе с тем она обладает достаточно явно выраженной, но индивидуально весьма различной способностью объединять выгодные для себя ситуации и накопленный опыт с тем, что она делала — намеренно или случайно — до данных событий или одновременно с ними. Иными словами, она способна ассоциировать отдельные детали своего поведения с разнообразными выгодными или невыгодными ситуациями, учитывая прошлый опыт. Но и относительно малозначащие события остаются в собачьей памяти, и при случае животное может воспользоваться воспоминаниями о них.

На примере поведения собаки во время охоты легко понять, как рождаются ассоциации и как они могут направлять ее деятельность. Под влиянием голода и вызванной им врожденной активности поиска добычи собака рыщет на местности и где-то обнаруживает полёвку или зайца. Вероятно, снова пользуясь врожденным инстинктом, ей удастся поймать добычу, которую она, естественно, поедает. При этом и саму охоту и ее результат собака ассоциирует с событиями, которые предшествовали удовлетворению ее инстинктивных потребностей. В первый раз она, по-видимому, лишь объединяет те из них, что непосредственно привели к поимке добычи. В следующий раз, когда в аналогичной ситуации ей вновь сопутствует удача, цепь ассоциаций удлиняется, они захватывают более ранние события, в том числе происшедшие за несколько часов до успешного окончания охоты. Охотясь в очередной раз, собака дополняет ассоциации событиями, происшедшими еще раньше. Так, охотничья собака приходит в восторг, увидев, как хозяин вытаскивает одежду, которой он пользуется, когда берет ее с со-

бой на охоту: даже приготовление к сборам на охоту собака предвкушает как чрезвычайно приятное событие.

Каждый хозяин, сколько-нибудь разбирающийся в поведении своей собаки, знает, как точно она способна интерпретировать смысл разнообразных действий человека, если только они сравнительно регулярно предшествовали событиям, имевшим для данной особи определенное значение. Конечно, такие события могли быть и приятными, и неприятными. Если ассоциации связаны с приятным событием, то собака делает все возможное, чтобы ускорить его приближение; если же ассоциации неприятные, собака стремится всеми способами избежать ситуации, которая их вызывает. Это позволяет ей избежать и само неприятное событие.

Часто говорят, что собака умна. На самом деле «умная» собака сильна прежде всего своим опытом. Молодые собаки неопытны, и мудрыми их не назовешь. Они еще не успели приобрести тот опыт и те ассоциации, которые являются предпосылкой для поведения, воспринимаемого нами в обыденной жизни как проявление собачьего «ума». Некоторые собаки склонны очень внимательно следить за происходящим вокруг. Представители настороженных, хотя и спокойных пород способны подмечать ассоциативные детали лучше тех собак, которые, придя в крайне возбужденное состояние, только и делают, что суетятся. Вместе с тем излишняя флегматичность может мешать собаке следить за происходящим. Хорошо известно, что собака с живым характером замечает такое, что ее более пассивная подруга никогда не подметит.

Основываясь на личном опыте, позволю себе утверждать следующее: спокойная особь способна получать множество ассоциаций непосредственно от человека, тогда как живая и подвижная в выигрыше только тогда, когда что-то совершается на местности. Ассоциативный мир у комнатной собаки сравнительно беден. «Ум» (если так можно выразиться) комнатной собаки наиболее развит именно у спокойных особей. Собаки, постоянно живущие в доме, умеют извлекать из речи человека самые разные ассоциации приятного или неприятного свойства. Услышав знакомые слова, животное «вспоминает» знакомые ситуации во всех деталях. Почти все комнатные собаки довольно точно реагируют по крайней мере на десяток слов. Но можно научить животное «понимать» и десятки, а по данным американского ученого Скотта, даже около сотни слов. В доме хозяина собака слышит человеческую речь и по ее оттенкам, даже по отдельным словам может составить представление о намерениях человека. Владельцы комнатных собак чаще «болтают» со своими любимцами. Не вредит такое общение и охотничьей собаке. Собака, проявляющая живой интерес к хлопотам, разговорам и прочим делам домочадцев, всегда доставляет им больше радости, чем безучастное животное. Подобное взаи-

мопонимание хозяина и собаки не мешает ее обучению, напротив, оно может стать хорошей основой для дисциплины, построенной на доверии.

Домашняя собака без специального обучения постепенно запоминает имена и прозвища не только членов семьи, но и некоторых друзей дома. По-видимому, она запоминает, слыша имя (или прозвище) какого-то лица непосредственно перед его приходом либо перед совершением им какого-то действия, представляющего для собаки интерес. Таким же образом животное запоминает имена друзей семьи, особенно если у них есть собственная собака, что само по себе повышает ее интерес к ним. Гости обычно относятся к хозяйской собаке по-дружески, она испытывает удовольствие, когда ее приветствуют, связывая ласку с недавно услышанным именем. Имя или прозвище для собаки всего лишь определенный знак. Мои таксы, будучи в соответствующем настроении, иными словами, если их ждет какое-то вознаграждение, без которого они редко что делают, направляются к тому члену семьи, к которому им приказывают подойти. Дружеское отношение — вот минимальное, хотя и не всегда достаточное вознаграждение; лучший же подарок для них — сбор всей семьи за обеденным столом.

Без какого бы то ни было целенаправленного обучения собаки обычно понимают смысл тех слов, которые часто употребляются при кормлении или выгуливании либо, скажем, на охоте в определенных повторяющихся ситуациях. Очень скоро собака приучается реагировать на слова, которые ассоциируются у нее с опасностью или предупреждением, так же, как на ситуации, вызывающие агрессивность.

Со словом «еда» у животного связано общее представление о чем-то съедобном. Но например, одна из моих такс, услышав слово «колбаса», искала именно колбасу и не соглашалась есть кусочки сыра все время, пока находилась в состоянии поиска, вызванного словом «колбаса». Если же ей без предварительного «объявления» одновременно давали несколько кусков колбасы и сыр, она съедала лакомства в том порядке, в каком они оказывались по воле случая. Какое-нибудь слово может с тем же успехом означать и место, с которым у животного связаны приятные воспоминания. Поэтому можно без особого труда приучить собаку — по крайней мере в практических целях — примерно к тем же ассоциациям, которые мы сами связываем с определенными словами.

Разнообразные проявления животным радости на ассоциативной почве скорее всего свидетельствуют и о том, что собака, услышав слово, рождающее у нее какие-то ассоциации, восстанавливает в памяти довольно точную картину предмета, о котором говорит человек.

Когда моей старшей таксе говорили о предстоящей поездке на дачу, она всем видом показывала, что хотела бы услышать

это известие еще раз. Она не направлялась к двери и не проявляла безмерного восторга, а всего лишь выражала удовлетворение: ей было приятно услышать именно это известие. Подобным же образом она встречала сообщение о том, что получит конфеты с новогодней елки: несколько раз «просила» повторить услышанное. Насколько я понимаю, собака по-настоящему наслаждалась ассоциациями, вызванными этим сообщением, отнюдь не рассчитывая на немедленное его исполнение. Сама по себе ассоциация, по-видимому, является таким положительным переживанием, что животное легким движением морды пытается заставить человека повторить вызвавшую его приятную комбинацию звуков. В этом смысле собаку можно сравнить с маленьким ребенком, который хочет снова и снова слушать любимую сказку

Насколько можно судить, собака обладает способностью каким-то образом сопоставлять различные воспоминания ассоциативного порядка и выбирать из них по своему желанию такое, на основе которого она будет затем действовать. Собака, которой неизвестно почему овладевает игровое настроение, обычно не удовлетворяется случайными игрушками — наоборот, она тщательно их выбирает, не поленится и сбегает за какой-нибудь только ей известной веткой или другим интересным для нее предметом и лишь после этого приступит к игре. Желанную игрушку она, быть может, не видела много дней, но под влиянием определенного настроения разыскивает именно эту, не соглашаясь на другой, не менее привлекательный предмет. Но в другой раз игрушка, не устроившая сейчас собаку, может ей понравиться. Мои таксы, когда им хочется поиграть, часто приносят любимые игрушки со двора, с расстояния свыше ста метров и к тому же с подветренной стороны, то есть не имея возможности ориентироваться на запах. Значит, все дело в запоминании места, где находится любимая игрушка, и в ее доступности. Собака, ассоциативно оценив какую-то ситуацию либо под влиянием настроения или физиологического состояния, точно помнит, куда она спрятала кость, в каком месте встречается подходящая добыча, как кратчайшим путем добраться до нужного места и т. п. Достаточно какой-нибудь дополнительной связи — неважно положительной или отрицательной, — чтобы животное выбрало для себя наиболее подходящее решение.

Долго ли собака помнит то или иное событие, предмет или чувственное переживание? Пожалуй, следует ответить: всю жизнь при условии, что переживание было достаточно сильным и случилось не раньше, чем в «подростковом» возрасте. В самом деле, сильное, впечатляющее переживание собака помнит очень долго. Волк или собака, у которых в каком-то месте была удачная охота, затем часто туда наведываются, даже если им больше не удастся ничего добыть. Это говорит о том, как медленно исчезает выработавшийся рефлекс. Постоянное

наблюдение за территорией, где собаке однажды подвернулась хорошая добыча, разумеется, имеет свои преимущества, пусть даже там не всегда есть на кого поохотиться, — ведь в том месте, где когда-то было много дичи, рано или поздно она может появиться вновь. Вот почему мои таксы по прибытии на наш летний остров после недолгой отлучки всякий раз первым делом проверяли, остались ли еще полёвки там, где раньше они встречались в изобилии. Более того, младшая такса, всегда готовая к охоте, делала это и в те годы, когда мышей на острове вообще не было.

Собака, раз познакомившись с человеком, помнит его всю жизнь. Если кто-то обошелся с ней плохо, она едва ли забудет обиду и долго будет с недоверием относиться к обидчику. Недружелюбные чувства к каким-то категориям незнакомых людей, видимо, объясняются неблагоприятным опытом общения с ними. Я, например, установил, что мои собаки отрицательно относились к военным (доберман), чужим маленьким детям (кобель скотч-терьера), пожилым женщинам, одетым в темное (тот же «шотландец»), а также к лицам в состоянии сильного опьянения независимо от того, как они одеты (кобель и сука скотч-терьера и все пятеро такс). К представителям тех же категорий из числа своих знакомых (за исключением пьяных, которых они, естественно не знали!) собаки были вполне терпимы. И подобное отрицательное впечатление обычно сохраняется у животного до тех пор, пока кто-то незнакомый из той же злоплучной категории не проявит к нему дружелюбия и доброжелательности, которые радикально изменят его отношение, сформировавшееся на единичном примере.

Собака должна иметь возможность выражать человеку свои желания и побуждать его действовать сообразно с ними. Когда речь идет о цепи ассоциаций, в которой человеку отведена важная роль, имеется в виду, что он понимает настроение и желания собаки и выполняет их. Только в этом случае просьба животного обретает смысл, а с точки зрения самого животного — и выгоду. Человек, не реагирующий на призывы собаки, в данной сфере деятельности становится для нее бесполезным и даже опасным существом. Недаром мы являемся объектом неусыпного изучения со стороны собаки.

Способность к самостоятельному обучению для собаки — как и для животных в целом — не менее важна, чем ассоциативное мышление, они находятся в тесной связи. Известным, хотя и не самым приятным, с точки зрения человека, способом выражения такого «самообучения» является приобретенное умение собаки просить пищу. Этот простой пример хорошо знаком владельцам собак. Другой пример, требующий от собаки больших усилий в процессе самообучения, — это как собака просит хозяина наполнить миску для питья. Производимые при этом движения часто ошибочно принимают за разумные действия.

К врожденным свойствам поведения собаки следует отнести визг и негромкий лай, когда животное не в состоянии выполнить действие, на которое настроено. Голодная собака начинает визжать, что без труда замечают люди, и животному дают есть; в данном случае визг — сигнал голода. Чем сильнее визг, тем быстрее результат: во-первых, на визг сразу реагируют, во-вторых (совершенно справедливо), истолковывают как признак того, что собака проголодалась больше обычного. Запомнив, что желаемое достигается легче, если визжать громче, собака после этого громко визжит, даже будучи не очень голодной. Так человек представляет собаке прекрасную возможность для «самообразования». Это, пожалуй, можно выразить так: «Чем громче я подаю голос, тем быстрее получаю еду» (или что-нибудь другое, чего животное добивается визгом). Значит, если наши собаки, хорошенько не проголодавшись, вымалывают пищу громким визгом, а то и лаем, вина исключительно наша: отреагировав на визг собаки, мы сделали первый шаг и затем продолжали действовать, как нам казалось, последовательно. На самом же деле никакой последовательности в нашем поведении не было и собака просто воспользовалась допущенной мягкотелостью. В многоэтажных городских домах часто наблюдается такая картина: постоянный лай собаки вызывает у соседей сострадание и они прикармливают ее, считая голодной. И хотя хозяева наказывают собаку за «попрошайничество», она продолжает поступать по-своему. Более того, выразит неодобрение нашим действиям, на время затаит к нам неприязнь (но не злобу) и будет лаять до тех пор, пока это хоть изредко будет приносить ей пользу.

А теперь попробую объяснить механизм поведения собаки, которая просит наполнить миску водой. Убедившись, что миска пуста или полупуста, собака принимается ее облизывать. Миска стучит по полу, человек слышит стук, он спешит налить воду, и собака ее выпивает. Когда в следующий раз миска снова оказывается пустой, у собаки легко возникает ассоциация: пустая миска издает звон, и, стуча ею, собака добивается своего — миску наполняют водой. Следующая ассоциативная стадия заключается в том, что собака, обнаружив пустую миску, сразу же начинает стучать по ней мордой. Постепенно животное приучается передвигать мордой миску с места на место, что, естественно, сопровождается громким звуком. Чем он сильнее, тем скорее кто-то откликнется на него и наполнит миску. Но это еще не все: собака замечает, что, передвинув пустую миску на видное место, она скорее добивается исполнения своих желаний, чем тогда, когда просто стучит ею. Так она постепенно научается приходить с пустой миской, прося наполнить ее водой.

Конечно, можно просто научить собаку придвигать миску, но тогда прекратится самообучение, характерным признаком которого является постепенное распространение ассоциаций на

характере и степени развития. Вообще же почти любая собака порой способна демонстрировать крайне необычные для себя формы поведения, которые в подобной ситуации были бы наиболее характерны для волка. И хотя частота таких форм поведения у собак уменьшилась, способность совершать подобные действия сохранилась — если только строение их тела не изменилось настолько, что какое-то действие стало для них попросту неосуществимым. В результате многоступенчатого отбора способность собаки к совершению таких действий уменьшилась, что, впрочем, произошло непреднамеренно: просто в прошлом было очень нелегко предвидеть, какие особенности животного пострадают при выведении, скажем, хорошей овчарки или хорошей легавой. Но основные характеристики волка удивительно хорошо сохранились даже у собак типичных декоративных пород. Именно они «сделали собаку собакой». Волка было легко приручить как раз потому, что по образу жизни он — животное в значительной степени социальное. Кошка, по натуре одиночка, издревле жила рядом с человеком, но, несмотря на это, их отношения почти никогда не были столь близкими. Кошка относится к человеку как к любому своему сородичу. Собака же в большинстве случаев смотрит на человека как один волк на другого, как правило более сильного, и в этом существеннейшее ее отличие от кошки. Даже со львом отношения завязываются легче, чем с кошкой: в отличие от нее царь зверей ведет стайный образ жизни и потому с человеком он тоже мог бы образовывать «прайд», хотя сам человек едва ли сумеет с легкостью приспособиться к такому «ближнему».

Вероятно, как раз те свойства собаки, что сближают ее с волком, вызывают у некоторых из нас неприязненное чувство, а то и страх. Но именно унаследованные от волка особенности сделали собаку такой, какой мы привыкли ее видеть.

I. МИРООЩУЩЕНИЕ СОБАКИ

У собаки те же органы чувств, что и у человека. Но несмотря на это, ее мироощущение, ее чувственный опыт весьма отличны от того образа мира и того восприятия среды, который воспринимает человек. И не познать всесторонне мироощущения собаки, нам не понять и характерных сторон ее поведения. Конечно, определенные внешние признаки — например, положение ушей и хвоста, мимика, взгляд, движения — в известной степени указывают на то, что ощущает животное в данный момент. Но велика опасность и совершенно ложных выводов, если не принимать во внимание особую тонкость собачьих чувств. Зачастую же мы сталкиваемся с ситуациями, когда невозможно с точностью сказать, какое из ощущений — зрительное, слуховое или обонятельное — определяет поведение собаки. Во всяком случае, трудно бывает понять, какое из них доминирует.

Нередко утверждают, будто зрение для собаки не так уж важно. Разве не было случаев, когда хозяин и не подозревал, что его собака слепа — настолько хорошо она ориентировалась в привычной обстановке, полагаясь на другие органы чувств и память. С другой стороны, каждый владелец собаки знает, как внимательно и неотрывно следит из квартиры собака за происходящим на улице. При малейшем подозрительном звуке она бросается к окну, высматривая все вокруг. Случись такое на местности, и собака в мгновение ока займет наблюдательную позицию. Значит, зрение для нее — достаточно важное чувство. И первостепенность обоняния отнюдь не умаляет значимости зрения.

Не так просто изучать функциональные особенности чувств собаки. Не удивительно, что разные исследователи приходят порой к весьма противоположным выводам. Это касается прежде всего зрения и определения верхнего порога слуха. Лишь в последние годы новейшие достижения в физиологии позволили отказаться хотя бы от части ошибочных посылок, подвергающихся сомнению результаты изучения не только собак, но и высших позвоночных в целом.

новые этапы процесса. Без такого поэтапного самообучения собака самостоятельно не сможет выполнять просьбы или призывы, описанные выше.

В отличие от собаки человекообразная обезьяна, обнаружив, что чашка пуста, сразу же наполнит ее сама (подражая человеку) или подойдет к человеку, чтобы тот увидел и наполнил пустую чашку. Это свидетельствует о том, что обезьяна, во всяком случае в такой простой ситуации, не нуждается в развитии поступенной цепи ассоциаций; она решает вопрос либо после некоторого раздумья, либо пользуясь довольно свободно ассоциативной способностью.

Без предварительного выучивания собака никогда не побудит человека к действиям, в которых сама не участвует и которые могут приносить ей лишь временную пользу. Зато без выучивания или самообучения призывает нас к игре: приносит игрушку и трясет ею, совершает с игрушкой различные игровые приемы либо принимается лаять на человека, вставая в определенную позу и всей мимикой выражая призыв к игре. Кроме того, она несколько раз толкает человека мордой или царапает ему ногу лапой, чтобы заставить заняться ею или добиться от него чего-то желанного. Призыв к игре может содержать действия, которые не относятся к врожденным свойствам, поэтому индивидуальные особенности бывают довольно значительными. Собака фактически без самообучения побуждает нас участвовать в действиях, которые животные часто совершают сообща, но только через самообучение и ассоциативную связь призывает человека к действию, которое ее соплеменницы не способны — по крайней мере без научения — совершать вместе. К последним относится, в частности, приготовление пищи — собаки довольно быстро приучаются просить хозяев заняться этим делом; для них это значит, что и им дадут поесть.

Все призывные действия обусловлены преимущественно врожденными инстинктами, но и приобретенные посредством самообучения инстинкты могут иногда совершенно случайно выполнять функцию призыва. Поскольку возможно, что одни собаки пользуются призывными действиями и голосами других, а те в свою очередь подражают третьим, и поскольку к врожденным инстинктам могут примешиваться приобретенные, призывные действия и движения собак отличаются значительным разнообразием. По этой причине их подчас трудно расшифровывать. Еще раз сошлюсь на пример своих собак. Так, призывное царапанье передней лапой моей старшей таксы постепенно превратилось в позу, при которой она всей тяжестью передней части тела налегала на мою ногу. К царапанью она более не прибегала.

Собака не способна подражать движениям и действиям человека. В этом можно убедиться на следующем опыте. Если поставить перед ней автомат, то перевести ручки или нажать на

кнопку, чтобы получить пищу, собака не сможет. Обезьяна же делает это, едва увидя, как решает такую задачу человек, и убедившись, какие приятные события за этим последуют. Человекообразная обезьяна, осмотрев автомат с открывающимся окошком, способна понять, как он работает. У собаки такой способности нет, она в состоянии решать подобные проблемы только посредством случайного выучивания. Ее потенциального мышления, примитивного и базирующегося на внешних раздражителях, для этого недостаточно. Поэтому ей приходится довольствоваться решением таких задач путем проб и ошибок и наказания-вознаграждения. Что же касается совместного бега и следования за человеком, а также влияния настроения одной особи на другую, то это явления совершенно иного порядка.

Собака легко выучивается открывать дверь, но это не копирование действий человека, хотя и может показаться таковым. В то же время она обладает реакцией следования за человеком. Допустим, что дверь закрылась перед носом собаки, когда все успели уже пройти. Собака, повинувшись своей врожденной способности, становится перед препятствием на задние лапы, высоко подпрыгивает, царапает дверь передними лапами и пытается мордой сдвинуть ее в сторону. Неожиданно передняя лапа натывается на ручку, нажимает на нее, и дверь отворяется. Результат такой случайной удачи выражается в том, что встретившись в другой раз с подобным же препятствием, собака сосредоточит внимание именно на ручке и уже быстрее, чем прежде, сумеет на нее нажать. С каждым разом ее движения будут быстрее и экономнее, и скоро она научится использовать только одно из них — царапанье ручки. Это достигается исключительно посредством самообучения.

Собака реагирует на кличку — это тоже результат самообучения животного и обучения человеком. Животное связывает часто произносимую человеком комбинацию звуков с тем, что его гладят, или же с тем, что в обстановке, требующей напряженности, происходит что-то приятное. Мы учим наших собак реагировать на кличку, награждаем их шлепками или ласком за то, что они отвечают на подзыв и подходят к нам.

Почему большинству собак нравится ласка хозяев, а иногда и чужих людей? Объяснить это не так просто, как может показаться, и я не уверен, что моя версия окажется верной. Важнейшая причина, как я полагаю, заключается в том, что собака уже в самом раннем возрасте связывает ласку с собственной выгодой. Щенка берут на руки, гладят, и ему становится теплее. Молодую собаку гладят за послушание, когда она откликнулась на подзыв; при этом ей могут дать что-нибудь вкусненькое. Существует множество причин появления ассоциаций между подлинными интересами собаки и исходящей от человека лаской. Одна из них заключается в том, что когда собаку гладят, ей практически ничто не угрожает. Собака, которую ласкают,

находясь в безопасности, чувствует себя спокойной, и уже одно это создает у нее положительное настроение.

Большинство сложных форм поведения собаки — результат обучения, а чаще — опыта на основе метода проб и ошибок. С точки зрения этологии активность, не дающая результата, приводит к тому, что в следующий раз собака принимает несколько иное решение, пытается, например, поймать добычу в другом месте. Удача вознаграждает усилия, и вскоре животное в аналогичной ситуации действует так, как в тот раз, когда ему сопутствовал успех. При обучении собак следует придерживаться принципа: успешную попытку немедленно вознаграждать. Но помните: если попытка не принесла результата, собаку нельзя наказывать, ибо сама по себе «безрезультативность» в сравнении с успехом, за который животное вознаграждается, и есть стимул, позволяющий обучать собаку. Наказание за неудачную попытку отобьет у собаки желание выполнять необходимые для обучения задачи, что сведет на нет успешную дрессировку.

Я глубоко убежден, что наказание — неудачный способ научить собаку выполнять какую-то новую для нее функцию. Поясню свою мысль примером из жизни молодых волков в естественной среде. Приучаясь охотиться, волк далеко не всегда добивается только успеха или, наоборот, только испытывает боль, страх, вынужден обращаться в бегство и т. п. Обучение как раз и ведется обычно так, что антиподом успеха или неудачи является ситуация, когда не происходит ни того, ни другого, поэтому животное находится в состоянии относительного спокойствия. Правда, в подобном случае оно не испытывает удовлетворения от пойманной добычи — значит, по сравнению с успешно проведенной охотой безрезультативность является как бы «наказанием», но отнюдь не вызывающим страха. В тех же случаях, когда собака испытывает страх, даже «пустая» охота будет своего рода наградой.

Вместе с тем, когда собаку обучают не делать того-то, а она не слушается, следует прибегать к мягкому, мотивированному наказанию. Нетрудно выработать у нее ассоциацию между действием, которое она не должна совершать, но все же совершает, и небольшим дискомфортом или неприятным ощущением. Если такая связь образовалась и упрочилась, собака отучается поступать так, как не положено. Безусловное требование к такого рода обучению состоит в том, что наказание должно сразу следовать за ослушанием. Собака без труда связывает наказание с той или иной ситуацией или местом, но не всегда с собственным поступком. Это нужно иметь в виду, наказывая животное. Наказание не должно быть суровым, но важно, чтобы собака хоть на мгновение почувствовала неудобство или неприязнь к связанному с этим событию. Проиллюстрирую ошибочность ассоциации места и события следующим

примером: собака, которая однажды чуть не угодила под колеса машины, скорее всего начнет страшиться именно злополучного места на мостовой, а не автомобилей.

Метод обучения, основанный на наказании за проступки, всегда должен сопровождаться наградой за выбор собакой удачных вариантов. Так, следует похвалить или приласкать животное сразу после правильного поступка, если к тому же он совершен тогда и там, где нам хотелось. В первый раз это делают, когда обучают щенка опраляться в отведенных для этого местах, а не на полу или коврик. Если приучить щенка к чистоте, нетрудно будет привить ему затем «хорошие манеры». Последовательность, ласка и благодарность, а также легкие наказания, необходимые для того, чтобы животное прекратило запрещенные действия, — вот, по сути дела, единственные способы обучения. Однако скорость обучения зависит от человека лишь отчасти, так как желание учиться да и сами способности у собак разные.

Собаки старшего возраста с богатым «жизненным опытом», которых человек чему-то обучал или от чего-то отучал, способны — хотя и с некоторым запозданием — связывать между собой предстоящее вознаграждение (или наказание) за совершенный поступок. В то же время собака не в состоянии постичь, что награда может предшествовать поступку — подобная ассоциация животному недоступна. Поэтому ее нельзя заранее вознаградить за какой-то будущий поступок. Это противоречит принципам педагогики. Впрочем, разве мы сами с такой уж охотой делаем то, за что нам уплачено загодя? Лишь нежелание предстать перед обществом в неприглядном свете не позволяет нам отказаться от работы, за которую мы получили сполна.

Нередко приходится слышать, что собака испытывает состояние, которое можно назвать «нечистой совестью». Каждый, у кого есть собака, вероятно, наблюдал, как реагирует животное, если его застали, например, лежащим на диване или в другом месте, где ему не положено быть. У собаки такой виноватый вид, что сразу понятно — ее «совесть нечиста». Но понятие «нечистая совесть» применительно к собаке не что иное, как страх быть наказанной за проступок, который, исходя из прошлого опыта, ассоциируется у нее с неприятным состоянием, неудобством, болью и т. п. В понимании человека «нечистая совесть» подразумевает нарушение этических норм и установок, хотя в основе вполне определенно просматривается чувство страха, по существу аналогичное тому, которое мы так часто наблюдаем у собак. Можно сказать, что животное чувствует себя виноватым только после совершения чего-то недозволенного, но отнюдь не из-за чего-то неслучившегося, за что не положено наказание, и уж никак не из-за неосуществленного дела, предполагающего награду. Вместе с тем собака, поль-

зуюсь сложной цепью ассоциаций, способна выразить «нечистую совесть» так, что человеку остается лишь гадать, не обладает ли животное способностью скрывать свои неблагоприятные поступки? Собака, которая в отсутствие хозяев улеглась на диван, не выкажет «угрызений совести», пока кто-то из домашних не обнаружит, что диван теплый, — тогда собака тотчас встанет в позу, демонстрирующую покорность. Такое поведение может быть связано с выучкой: она замечала, что человек проявляет неудовольствие, когда осматривает диван и находит там что-то. И это «что-то» обнаруживается только после того, как она там полежала.

Один из крупнейших ученых нашего времени, гениальный Конрад Лоренц, тончайший творец учения о поведении животных, придерживается, однако, того мнения, что собака в некоторых положениях способна поступать вполне обдуманно, стремясь избежать наказания, которое заслужила своим поступком. По Лоренцу, собака, сознающая, что за совершенный проступок ей положено наказание, может — во избежание неприятных последствий — не показывать своего страха и в известном смысле притворяться: станет делать нечто дозволенное, что каким-то образом напоминает запретное. Он приводит такой пример. Одна из его собак охотно лаяла, находясь в одиночестве, и гонялась за курами, которые приходили на двор, чтобы подкормиться остатками собачьей еды. Однажды ученый застал свою собаку преследующей надоедливых кур. Увидев хозяина, собака с лаем бросилась вперед, рассекая стаю и не обращая внимания на кур, словно заметила вдали какого-то неприятного ей человека. В другой раз она же по ошибке облаяла хозяина, но, заметив промашку, помчалась прямо к стене, по другую сторону которой жила другая собака — на нее лоренцевская часто лаяла.

Мне и самому приходилось наблюдать аналогичную картину у своих собак, и все же я не до конца убежден в правильности интерпретации Лоренца. Ведь и он допускает возможность иного толкования, хотя считает обдуманное действие наиболее вероятным объяснением. По моему же мнению, собака, возбуждись каким-то раздражителем, которого она не в состоянии облаять или укусить, переключается на другие раздражители, которые она хорошо помнит и которые у нее вызывают аналогичную реакцию. Эти действия можно частично объяснить как смещенные. В жизни птиц тоже нетрудно найти примеры того, как агрессивность, которую нет возможности направить на какой-то конкретный источник, обращается на постороннюю птицу, которая сама по себе не должна быть объектом нападения. То, что гнавшаяся за курами собака бежала дальше и лаяла на невидимый хозяину объект, не исключает, что она учуяла что-то недоступное глазу человека.

Тем не менее в рассказах о собаках встречаются примеры,

еще ярче подтверждающие способность животного «обдумывать» различные варианты и выбирать из них оптимальный на основании одних воспоминаний. Лоренц рассказывает о суке, которую он прогуливал, катаясь на велосипеде; такие длительные прогулки собаке не очень нравились. Однажды она повредила лапу и захромала, после чего хозяин стал выводить ее на небольшие прогулки. Это ее очень обрадовало. Но вот собака окончательно поправилась, и Лоренц решил возобновить прежние прогулки, заставляя ее бежать за велосипедом. И тут собака снова захромала, хотя осмотр лапы не обнаружил никаких повреждений, и она бежала совершенно нормально, когда ее выгуливали без велосипеда. Так у животного возникла ассоциация между хромотой и отсутствием необходимости бежать за велосипедом.

Заслуживает внимания весьма интересный опыт с открыванием дверей. Собаке без предварительной подготовки требовалось пройти через некое сложное сооружение, снабженное дверьми. Прежде чем открыть вторую дверь, она должна была открыть первую и установить ее в новом положении — иначе у животного не оставалось пространства, чтобы открыть следующую дверь. Собака сразу сообразила, как следует поступить. Но у нее уже был опыт обращения с дверьми, и к тому же она знала принцип их действия. А кроме того, животное было способно мгновенно решить, какой путь выбрать, когда впереди барьер, за которым находится интересующий ее предмет или человек, к которому она стремится всеми силами. Почти все собаки тотчас определяют кратчайший путь и без колебаний его выбирают.

С другой стороны, можно привести множество примеров того, что собаки не в состоянии разобраться в самых простых связях. Так, они не могут решить следующую простую задачу, не представляющую никаких трудностей для человекообразных и некоторых других видов обезьян. Кость привязывают за веревку и размещают таким образом, чтобы в пределах досягаемости собаки находилась не сама кость, а свободный конец веревки. Собака сразу бросается на кость, совершенно не реагируя на веревку, а ведь именно в ней — ключ к решению задачи. Научить собаку тянуть веревку трудно — она так увлечена созерцанием кости, что едва слушается приказов, которые помогли бы управиться с веревкой.

Кроме того, собаки не способны к действиям, которые можно назвать «строительством сооружения, позволяющего достать пищу». Ни одна собака не подтащит стул к столу, чтобы вспрыгнуть туда и схватить лакомство, или к окну, чтобы наблюдать за происходящим, а то и выпрыгнуть наружу, если этаж невысокий. Вместе с тем сил для этого почти у любой собаки достаточно. Кстати, человекообразные обезьяны совершают подобные действия регулярно, а некоторые другие виды

обезьян тоже умеют пользоваться такой способностью, основанной на образном мышлении и свидетельствующей об их относительно высоком развитии. Между тем мозг собаки не в состоянии «мыслить» так, чтобы, изменяя известные по прошлому опыту комбинации предметов, создавать основу для их разумного перемещения. Но собаки, безусловно, способны переносить некоторые действия из одной сферы деятельности в другую. Как-то я обратил внимание на то, что мой шотландский терьер по собственной инициативе взял со своего ложа байковое одеяло и перетащил его на пол в другую комнату, где было солнце: так ему было не только тепло, но и мягко. Как видим, он вполне разумно воспользовался инстинктом строительства гнезда.

Однако — об этом я уже говорил ранее — можно предположить, что собака по нескольким воспоминаниям, активизированным какой-то ассоциацией, может воспользоваться тем из них, с которым связано наиболее выгодное в данный момент решение. Это доказывает способность собаки справиться с таким сложным заданием, как открывание дверей. Собака могла иметь достаточный опыт обращения с дверьми и знала, что двери можно располагать по-разному. Впрочем, даже такое объяснение меня полностью не удовлетворяет. Весь мой опыт общения с собственными собаками указывает на то, что вряд ли следует объяснить действия животного настоящими умственными способностями. Объяснение всех известных нам поступков собак удастся сделать, исходя из их минимального умственного багажа.

Резюмируя, можно сказать, что у собаки — отличнейшая память, ее наблюдательность тоже на удивление хороша, хотя и основывается отчасти на иных, чем у человека, чувственных восприятиях, но у нее отсутствует истинная способность к подражанию. В то же время она обладает хорошо развитой способностью под влиянием внешних ощущений и собственного настроения опираться на связанные с ними воспоминания, в том числе и такие, которые основаны на очень давнем опыте. Это позволяет ей решать простые задачи и использовать воспоминания в совершенно новой обстановке. С другой стороны, ей скорее всего не под силу в своих представлениях менять места или как-то видоизменять предметы, чтобы решить ту или иную задачу. Животное не в состоянии также использовать свои воспоминания в качестве отправной точки для действий, находящихся за пределами обычных инстинктивных и приобретенных им. У собаки полностью отсутствует способность сознавать характер последствий того или иного действия, физиологически для нее доступного, которое не стимулируется врожденными реакциями. Зато воспоминание, вызванное каким-то успешным действием, послужит ей и в другой, весьма отличной ситуации и может явиться основой для дей-

ствий совсем иного рода. Один и тот же предмет и одна и та же среда в жизни собаки могут иметь весьма разные значения, и это зависит от состояния животного. Вероятно, разную окружающую среду и разные предметы собаки воспринимают и запоминают как отдельные чувственные ощущения или как комбинации ощущений, которые могут вызываться самыми различными ассоциациями.

Не вызывает сомнения, что собаки видят сны. Сны могут быть долгими и весьма живыми, я бы даже сказал, вполне реальными. Если судить по поведению спящего животного, «тематика» снов чаще всего затрагивает состояния, связанные с охотой или проявлениями агрессивности. Во сне собака может лаять, ворчать, визжать, подергиваться, как бы совершая начальные движения бега. Она иногда помахивает хвостом, выражая тем самым радость или дружелюбие. Положение ушей у собаки, видящей сон, соответствует состоянию, которое выражается в движениях. Даже глаза двигаются активно, хотя по положению мигательной перепонки видно, что сон относительно глубокий. Со всей уверенностью могу утверждать, что мои таксы видят сны гораздо чаще и переживают их более бурно примерно сутки спустя после возвращения с прогулки, во время которой у них была возможность поохотиться или погоняться за добычей. После долгого пребывания в городской квартире они значительно реже демонстрируют признаки сновидений. Встреча с другими собаками тоже, как мне кажется, усиливает склонность к снам. Это указывает на то, что собачьи сны являются не своеобразным отражением в мозгу «холостого хода» какого-то редко возбуждаемого инстинкта, а весьма реалистической реконструкцией тех или иных ситуаций в памяти животного. Если придерживаться такой точки зрения, то сны собаки следует рассматривать прежде всего как повторение недавних воспоминаний и, возможно, связанных с ними состояний.

Мне удалось установить, что щенки еще за несколько суток до рождения могут подавать голосовые сигналы и активно двигать лапами, по-видимому, совершенно так же, как взрослая собака в момент сновидения. Подача голоса в чреве матери возможна потому, что легкие плода наполнены газом. Однажды, когда будущая мать спала, я слышал голоса еще не родившихся детенышей с пятиметрового расстояния. Подобные примеры показывают, что основная часть сновидений собаки выражается в демонстрации врожденных движений. Щенок рождается слепым и глухим, но, несмотря на это, способен «видеть сны». Мне представляется очевидным, что по мере взросления в сновидениях собаки все большую роль играют корковые слои мозга — к ним подключаются воспоминания, а также состояния, переживаемые собакой наяву. На

звуки, издаваемые спящей собакой, соплеменницы реагируют поразительно вяло: в лучшем случае они выразят некоторое мимолетное удивление, хотя звуки могут слышаться и дальше.

СПОСОБНОСТЬ СОБАК ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ

Для собаки, которая привыкла передвигаться на ограниченной территории свободно или даже на поводке, нахождение пути домой из любой точки данного участка не представит никаких трудностей. Размер территории, хорошо известной данной собаке, зависит от того, на какое расстояние от дома она обычно удаляется. Но можно слышать утверждения о том, будто у собаки имеется почти феноменальная способность ориентироваться, позволяющая ей находить дом сравнительно быстро даже при значительном удалении и в местности, на которой она никогда ранее не бывала. Я попытался создать для самого себя представление о том, в какой мере рассказы о дальнем ориентировании действительно содержат какие-то доказательства способности собаки добираться до дома из незнакомого места. Позволю себе сразу же сделать одно критическое замечание: при охоте с облавой на незнакомой местности многие собаки теряют ориентировку и пропадают. Весьма редки случаи, когда собаке, отбившейся от хозяина, удавалось бы найти дорогу домой на совершенно незнакомой местности. Некоторые заблудившиеся собаки способны самостоятельно находить достаточное количество пищи, позволяющее им выжить, а упитанные собаки при наличии воды могут неделями обходиться и без пищи. По-моему, собака в незнакомом районе находит дорогу домой либо совершенно случайно, либо потому, что раньше во время охоты или других поездок она имела возможность запомнить, что дом находится в определенной стороне от данного охотничьего угодья или другого какого-то места. Если собака, имеющая такой опыт, оказывается в незнакомом окружении, она, вероятнее всего, устремляется в том направлении, где расположен ее дом относительно ранее известного участка. Немалую роль при этом сыграет удача. Но если дом находится в какой-то другой стороне, ее усилия оказываются безрезультатными.

По-видимому, за десятки, а в некоторых случаях и за сотни километров от дома собака способна обнаружить какие-то характерные для «родных краев» запахи. Однако они не дадут ей точного представления об удалении от дома или сведений о верном направлении. Вместе с тем, получив обонятельную информацию, собака может, например, начать действовать в соответствии с реакцией поиска, пока не найдет наконец место, которое ей известно, и уже оттуда без труда сможет добраться до дома. Можно предположить, что собака, самостоятель-

но покинувшая дом, всегда в состоянии найти обратную дорогу из того места, куда она направилась добровольно, при условии, что не была возбуждена сильным охотничьим инстинктом. В этом случае запахи местности имеют первостепенное значение, а дороги и тропинки, по которым она любит бродить, отходят на задний план.

Весенняя и летняя территория волка, где самец охотится за добычей и где долгое время находится волчица с выводком, как правило, велика из-за небольшой численности животных, которых промышляет хищник. В различных частях своей обширной территории волк может без труда и очень быстро находить дорогу домой, причем он ищет не кратчайший, а скорее всего самый удобный путь к логову. Территория, на которой собака быстро находит дорогу домой, основываясь не только на знании местности, может, конечно (если речь идет о крупной и внимательной особи), равняться площади, занятой волком, если у собаки имеется дурная склонность бродить по лесу в нарушение требований Закона об охоте.

Как собака определяет направление, находясь на незнакомой местности, кое-что можно понять, опять-таки воспользовавшись примером поведения волка. В те сезоны, когда волки не обзаводятся семьей, они ведут стайный образ жизни. Стаи передвигаются на очень большие расстояния, например преследуя крупную дичь. Волки-одиночки, время от времени встречающиеся на территории Финляндии, иногда пересекают чуть не всю территорию страны с востока на запад. Так называемые «местные» волки в пограничных с СССР районах в большинстве случаев способны возвращаться назад, для чего им приходится опять преодолевать значительные расстояния. Передвигаясь по таким огромным территориям, волк наверняка пользуется солнцем и луной в качестве компаса. Можно предположить, что такая же способность передвигаться в незнакомой местности в одном направлении развита и у собаки, хотя породные различия при этом весьма велики. Вряд ли «благородная» дворцовая собачка будет отличаться такой же способностью, как находящиеся почти в постоянном движении борзая или овчарка с их тонким чутьем. Разумеется, как исходные принципы отбора, так и современная селекция, все еще определяющая специфику пород, оказали влияние на способность собак к ориентированию. Но ведь и пекинес, и представители других пород, самым разительным образом отличающиеся от исходной формы собаки, способны — после того как их отвезли на несколько километров от дома — без труда возвращаться обратно, причем их обратный путь не обязательно будет точно соответствовать дороге, по которой их увозили. Все собаки, по-видимому, довольно хорошо сохранили способность находить дорогу к дому из близкого окружения. Размер территории, известной собаке, зависит от ее образа жизни и

при нормальном выгуливании составляет не менее нескольких квадратных километров.

Ориентирование на более обширных площадях помимо направления движения солнца может отчасти основываться на запахах, доносящихся издалека. Ветры, дующие с озер и рек, с морского побережья, со стороны промышленных предприятий и т. д., приносят с собой специфические запахи, которые собака знала еще до дому. В сочетании с ориентированием по солнцу или луне эти запахи позволяют ей гораздо быстрее найти свой дом в незнакомой местности, чем это мог бы сделать человек в подобных же условиях. Таким образом, не следует полагать, что какие-то особые чувства и свойства кроме обоняния, памяти и способности ориентироваться по солнцу и луне позволяют собаке быстро возвращаться домой из незнакомой местности.

Каждая городская собака уже после нескольких выгуливаний знает, по каким улицам ей надо идти, чтобы через лабиринт кварталов кратчайшим путем добраться домой. Она быстро создает для себя своеобразную «карту памяти» территории, по которой обычно передвигается. Эта «карта» основывается на данных всех чувств собаки, но прежде всего на обонянии и зрении. Из каждой точки знакомого ей участка собака способна идти напрямик, чтобы добраться куда угодно наиболее удобным способом. Фактор удобства пути особенно важен для сук. В случае сильного дождя собака выбирает кратчайшую дорогу. В хорошую же погоду она, наоборот, часто склоняет хозяина к дальнему пути, не удаляясь, однако, за пределы обычных мест выгуливания. Едва удалившись со своими таксами метров на 20 от какого-нибудь перекрестка, я могу определить, чего они хотят: то ли пойти на ту улицу, через которую проходит кратчайший путь домой, то ли продолжать прогулку. Часто случается, что одна тянет домой, а другая с удовольствием прошла бы еще несколько кварталов. Они принимают решения независимо друг от друга и непременно на развилке или на перекрестке.

По существу, уже выходя из дома, собака принимает решение, что будет возвращаться кратчайшим путем. В плохую погоду обе мои собаки следуют за мной на улицу крайне неохотно и на каждом углу, выражая пассивное сопротивление, пытаются заставить меня повернуть в сторону дома. Но умение идти напрямик не является решающим признаком высокой интеллектуальной организации. При сравнительно примитивном строении мозга мелкие грызуны, например крысы и мыши, после знакомства с экспериментальным лабиринтом способны выбирать кратчайший путь. Однако между ориентированием в лабиринте и выбором пути в естественной обстановке имеется весьма существенная разница. В лабиринте животное может помнить расстояния и точки поворотов, руководствуясь за-

траченной мышечной энергией, числом поворотов и т. п.; в природе же выбор направления основывается главным образом на ощущениях и связанных с ними воспоминаниях. Это выражается и в том, что собака довольно часто останавливается и отвлекается на что-то, прежде чем продолжить путь домой, причем дорогой, по которой она сначала вовсе не намеревалась идти.

Оказавшись в незнакомой местности, собака стремится выйти на дороги или тропки. Волк в подобной ситуации избегает этого, и прежде всего потому, что пути сообщения он связывает со своим врагом — человеком: ведь на дороге чаще всего ощущается запах человека или сопровождающих его атрибутов. Как можно предположить, стремление собаки выйти на дороги отчасти объясняется привычкой человека выгуливать там своих любимцев. Немаловажно и то, что по дорогам и тропинкам просто легко передвигаться. Насколько мне известно, экспериментальных данных, подтверждающих, что собака держится дороги из-за врожденных особенностей, нет. По-видимому, влияет уже то обстоятельство, что заблудившаяся собака чаще всего встречает человека именно на дорогах и на окраинах населенных пунктов, поэтому и хозяина она ищет прежде всего в таких местах. Из-за стремления передвигаться вдоль дорог животное вынуждено пробегать порой огромные расстояния по шоссе. Таким образом оно может случайно найти дорогу домой.

В те времена, когда в Финляндии курсировали маленькие пароходики между городами и прибрежными островами, нередко можно было видеть, как какая-нибудь собака, покинув городскую квартиру, садилась на судно и высаживалась там, где у хозяев была летняя дача. Она наверняка точно знала место и время отправления парохода. Запахи острова собака помнила превосходно, и, если ее оставляли в городе, когда семья уезжала на дачу, она самостоятельно отправлялась вслед. Загородная местность очень привлекательна для большинства собак. В конце прошлого столетия никто не требовал от собак дисциплины и они, к своей радости, свободно разгуливали повсюду. Бывало, собаки сами садились на поезд, чтобы добраться до знакомого охотничьего угодья. В наши дни разнообразие и количество транспортных средств так велико, что подобные путешествия для них почти неосуществимы.

Собака — во всяком случае, без солидного опыта — не в состоянии отыскать дверь своей квартиры в многоэтажном доме (исключения составляют первый и второй этажи). Скорее всего животное заучивает, в какой точке дома находится квартира, но не сразу запоминает, на каком этаже она располагается. Ее не отпугивают даже незнакомые запахи из дверного проема чужой квартиры, и она готова зайти в любую квартиру, расположенную аналогично хозяйской. Лично я нахожу в

этом такое объяснение: собака обычно не спускается по лестнице и не поднимается одна, а следует за человеком и потому не обращает особого внимания на лестничные клетки. Другая причина кроется в том, что в естественном окружении собаки крайне редко случается, чтобы какая-то фигура или одинаковые предметы повторялись несколько раз кряду или накладывались друг на друга. То что собака обычно видит лишь одну из потенциально существующих конфигураций, еще более затрудняет для нее выбор нужного объекта. Кобелям таксы в отличие от других моих собак разрешается иногда без поводка пробегать от входной двери многоэтажного дома, где мы живем, до дверей нашей квартиры на четвертом этаже. Они довольно скоро научились пробегать без остановки и колебаний до нужного этажа. Все другие мои собаки в подобной ситуации оказывались на чужом этаже, перед чужой дверью, расположенной аналогично нашей, и только когда мы проходили дальше, они, несколько изумленные, следовали за нами до следующего этажа, где повторялась та же картина.

Если имеется несколько однотипных зданий, расположенных рядом, собака одним только визуальным путем с трудом определит, в каком доме ее квартира. Перед подъездами домов в районе массовой застройки она может плутать довольно долго и остановится совсем не там, где надо. Но, выучив самостоятельно местоположение подъезда, собака никогда не совершит подобной ошибки, так как к зрению подключается и обоняние. Собака, которую постоянно водят на поводке, ошибается довольно часто. Сопровождаемая человеком, она временно как бы отключает механизм ориентации, уделяя много внимания другим собакам, мечению участка и изучению оставленных меток.

В заключение можно сказать, что собака очень быстро запоминает свой участок, а при необходимости и большую территорию. В знакомых местах она тоже скоро научается использовать обходные и кратчайшие пути, а также выгодные маршруты (подходящие точки на местности, тропы и дороги). Если у собаки нет ярко выраженного сторожевого инстинкта, то она время от времени посещает любые точки своей территории, особенно в ожидании чего-то интересного. При необходимости она расширяет свою территорию до очень значительных масштабов. Это случается при появлении суки в состоянии течки либо под влиянием охотничьих инстинктов. Но собака или стая собак не защищает весь свой участок — во всяком случае, с использованием силы — от других особей или стаи. Для волка и собаки своя территория — это прежде всего охотничье угодье, в котором лишь небольшая часть защищается самым энергичным образом. Побуждаемая сильным охотничьим инстинктом собака особенно во время облавы может очутиться за пределами знакомой территории. Сильное возбуждение и стремление

добыть дичь заставляют ее сбиваться с пути чаще, чем это случается при спокойном передвижении по местности. Нет бесспорных доказательств тому, что после очень долгого пути собаки способны сразу направиться домой. Однако острое чутье и хорошая память помогают им двигаться в правильном направлении даже в тех случаях, когда человек, не оснащенный техническими средствами, не способен ориентироваться хотя бы в общих чертах.

НАСТРОЕНИЯ СОБАКИ

Помимо состояний, связанных с определенными инстинктами и вызываемых их проявлением, у собаки наблюдаются настроения, непосредственно не связанные с инстинктами. Примером может служить страх из-за так называемых «угрызений совести». Он очень напоминает настоящий страх с его реакцией бегства и выражением покорности. Вместе с тем настроения собаки, которые по аналогии с человеком вполне можно назвать ревностью, разочарованием, печалью, радостью и любовью, — во многих отношениях явления иного порядка. Тот, кто хорошо знает свою собаку, быстро замечает, насколько у нее развит мир чувств — разумеется, в определенном смысле. Не вызывает сомнений, что у подобных настроений та же основа, что у человека в аналогичных ситуациях, и их последствия сходны с человеческими.

Ревность и зависть — обычные чувства собак. Это замечал каждый, кому приходилось иметь одновременно несколько собак, особенно если дело касалось не очень коммуникабельной породы. Но собака может проявлять подобные чувства и к человеку. Обе мои суки таксы ежедневно демонстрировали яркие примеры зависти и ревности. То они ревновали друг друга, то их чувства столь же сильно обращались на человека. Если кто-нибудь из членов нашей семьи как-то выделял одну из собак, предоставляя ей какие-либо преимущества, другая непременно обижалась (особенно бурно реагировала младшая такса) и долго проявляла неприязнь к «провинившемуся». Наиболее ярко это выражала такса-дочь ко мне, когда я брал на дальнюю прогулку только мать. По возвращении она едва вообще приветствовала меня, а к матери проявляла настоящую злобу — в той мере, в какой она вообще решалась на злобу к более сильной особи. Правда, по отношению к матери дочь в течение нескольких минут сменяла «гнев на милость», но ко мне не проявляла дружелюбия часами: не реагировала на подзыв, почти не виляла хвостом и даже отказывалась от любимых блюд, которые я ей предлагал. Такое настроение разочарования могло продолжаться вплоть до следующего дня. Но потом такса вдруг словно забывала обо всем и опять становилась

дружелюбной и веселой, как будто ничего не случилось, — дурное настроение проходило, не бросив и тени на наши отношения.

Я немало размышлял над тем, какую роль может играть чувство разочарования, обиды или ревности в жизни животных, живущих вольно. Вероятно, бесспорно одно: такие настроения, проявляются у волка не менее сильно, чем у собаки. Как мне кажется, в принципе такие состояния могут зарождаться в период взросления щенков. Одно из напрашивающихся объяснений заключается в следующем: особь, которая по какой-то причине «разочаровывается» в другой особи, становится от нее независимой. Оказавшись во власти «разочарования», молодые волки могут бросить стаю или освободиться от зависимости по отношению к матери и получить свободу, чтобы вести жизнь, характерную для взрослой особи.

Собака нередко испытывает печаль. Исчезновение друга — будь то человек или другая собака — из жизненного круга животного вызывает реакцию поиска. В таком состоянии собака временами начинает выть. Вой — призывный клич, вызванный чувством одиночества. Но отличительным признаком печали является продолжительное уныние. Такое состояние может длиться несколько дней, неделю, а то и более продолжительный срок. Опечаленная собака малоподвижна, она лежит на своем ложе и почти не притрагивается к пище. Сведения о том, как собака воспринимает смерть близкого человека, противоречивы и свидетельствуют о значительном индивидуальном разнообразии. Некоторые животные настолько «горюют», что их дальнейшее содержание становится обременительным. Другие же скорее больше реагируют на подавленное настроение окружающих людей, чем на потерю члена семьи.

Реакция одной собаки на смерть другой также неоднозначна. Часто смерти предшествует болезнь, во время которой больная собака как бы выпадает из жизни подруги. Тогда реакция не бывает бурной. Кроме того, больная собака подчас вызывает у здоровой явно отрицательное отношение. Создается впечатление, что специфический запах от умирающей собаки отталкивает соплеменниц; те обходят больную и не обнюхивают ее, даже если она подходит к ним совсем близко. Я не раз наблюдал подобную картину и у своих, и у чужих собак. Если собаки начинают явно игнорировать больную подругу, это значит, что дни ее сочтены.

Погибшие новорожденные щенки вызывают у матери некоторое беспокойство. Она может их облизнуть, даже повизжать, но вскоре уносит прочь. Жившая у меня сука добермана зарыла мертвого щенка и больше потом не посещала это место и не защищала его. Если у собаки отнять всех щенков в раннем возрасте, она несколько дней будет очень беспокойной, разыскивая их повсюду. В естественной среде потеря приплода слу-

чается, когда малыши самостоятельно покидают логово. Некоторые волчицы совершенно не реагируют на отнятие волчат, но есть такие, которые приходят в ярость только из-за того, что до них дотронулись.

Для собак обычно не характерно длительное чувство любви, сохраняющееся вне природы полового возбуждения суки. Но, познакомившись с сукой, находящейся в состоянии течки, кобель часто несколько дней испытывает «любовный порыв»; по мере того как возбуждение у суки проходит, чувство кобеля угасает. Находясь в любовной горячке, кобель проявляет необычайно сильное желание двигаться. Он то и дело просится на улицу, чтобы приблизиться к жилищу своей избранницы, теряет аппетит. В таком состоянии он больше обычного склонен к агрессивности. Злоба иногда вымещается и на человеке. Некоторые суки в разгар течки демонстрируют подобное поведение, однако активность кобелей обычно гораздо выше.

Такие проявления любовного чувства и полового влечения наблюдаются, хотя и в несколько иной форме, у очень многих млекопитающих; благодаря им повышается вероятность встречи самца и самки. Возможно, из-за сильного соперничества самцов за благосклонность самки эти чувства способствуют улучшению полового отбора.

Собаки, чьи взаимоотношения не отмечены половым влечением, могут относиться друг к другу по-разному. Мы уже останавливались на чувстве злобы и проявлениях гегемонизма и покорности. Но собаки могут быть и просто хорошими друзьями. Большинство из них имеют по несколько друзей: одна — подруга по охоте, другая — по играм, кого-то просто приветствуют, а кого-то избегают. Некоторые собаки быстро заводятся такими знакомствами, разными по степени выражения симпатии; для других обретение друзей — результат длительного и трудного привыкания. Но у большинства собак есть свои враги. Недружелюбные отношения отмечены печатью злобы или страха. Чаще всего продолжительная злоба вызвана тем, что обозленную собаку, пока она была щенком, не научили правильному обращению с другими собаками. Но иногда в основе этого чувства лежит скорее характер особи, чем воспитание.

СОБАКА И ЧЕЛОВЕК

Способность собак понимать настроение человека

Собака, живущая у хорошего хозяина, тратит много времени на наблюдения за хлопотами человека. Постоянно находясь в окружении членов семьи, она скоро обучается реагировать на слова, интонации, поступки, движения своих хозяев. Постепенно — по этим и по менее заметным знакам — она при-

учается заранее определять, когда кто-либо из членов семьи совершит что-то, на ее взгляд, интересное. Ассоциации могут возникать и в связи с такими тонкими деталями человеческого поведения, которые сами мы не особо замечаем и которые с трудом поддаются описанию. Имеются доказательства, что собака способна реагировать на ту активность человеческого мозга, которую человек еще не осознал, но которая уже как-то сказывается на его движениях и направленности будущих действий. Мой скотч-терьер продемонстрировал однажды блестящий образец такого поведения: он сумел в определенной ситуации предугадать, что я буду делать минуту спустя, хотя сам я не представлял, как будут развиваться события. А было это так. Скотч-терьер находился со мной в длительной поездке на моторной лодке по прибрежным островам, где я проводил учет птиц. Пес спокойно спал на теплом кожухе мотора, который мне предстояло завести. Шипящий звук цилиндра раздражал или пугал моего четвероногого друга, поэтому он всегда принимался громко лаять, стоило мне начать заводить мотор, и пытался даже укунить ручку. Так повторялось всякий раз, когда мы отправлялись на острова. После нескольких высадок пес выучил следующее: мое возвращение к лодке после подсчета птичьих гнезд означает, что мотор снова начнет издавать неприятные звуки. Поэтому он стал «облаивать ситуацию заранее», как только мы направлялись к лодке. Наблюдательность у него была поразительная. Заметив тотчас, что я сомневаюсь, стоит ли идти дальше, он начал громко лаять — прежде чем я решил вернуться и все еще продолжал удаляться от лодки. Такая бурная реакция «шотландца» на шум мотора, бесспорно, облегчила формирование ассоциаций. Собака неотрывно следила за моими движениями, ожидая, что я скоро поверну обратно, и как бы размышляла. «Когда же он снова создаст неприятное ощущение?»

Этот пример показывает, насколько развита у собак наблюдательность. Именно эта их способность позволяет многим владельцам собак, не знакомым с наукой о поведении животных, порой подозревать собаку в умении «читать» человеческие мысли. На самом же деле животное умеет понять смысл мельчайших деталей человеческой мимики, как и его скрытые намерения, уже на такой стадии, когда хозяин сам еще не решил, что он намерен делать.

Некоторые выражения человеческого лица собака воспринимает примерно так же, как подобные «мины» своих сородичей. Например, оскал зубов или гримаса вызывает у нее чаще всего соответствующую реакцию: гримаса ей не нравится, она насторожена или даже напугана. Но если приучить собаку к тому, что с ней всего лишь играют, она перестанет реагировать на подобное поведение хорошо знакомых ей людей, однако постороннему выразит некоторую злобу. Такая реакция,

безусловно, связана с тем, что сами собаки скалят друг на друга зубы, находясь в состоянии агрессивности.

По выражению морды и движениям головы подруги собака способна довольно точно определять, где находится предмет или какой-то другой раздражитель, вызывающий реакцию. Положение ушей и ориентация морды оказываются гораздо более важными указателями направления, нежели взгляд. Вот почему человеку почти невозможно одним только взглядом показать собаке, где расположен интересующий ее предмет. Если одна из двух собак займет наблюдательную позицию, другая тотчас повернет морду в том же направлении для выяснения причины интереса. Но, общаясь с человеком, собаки не могут понимать движения, содержащие указания, без предварительного, хотя порой и очень краткого обучения. Например, по указующему жесту животное очень скоро начинает понимать, куда человек собирается бросить мяч.

Мои таксы начинали лаять, если одна из них отреагировала на что-то ее взволновавшее. Не обнаружив ничего интересного в том направлении, куда лаяла первая собака, вторая начинала лаять во все стороны. Наконец она обнаружила какой-то посторонний предмет и продолжала «облаивать», уже его, хотя в иной обстановке этот объект вряд ли оказался бы раздражителем, способным вызвать лай. Довольно часто собаки совершенно намеренно «надувают» друг друга, облаивая какой-нибудь безобидный и ничего для них не значащий предмет или место. Настроение облаивающей подруги быстро передается другой: агрессивный или боязливый лай тут же вызывает ее поддержку. Таким образом собака, животное по поведению отчасти стайное, отчасти семейное, информирует соплеменницу о замеченной опасности. Это — автоматический и жизненно важный для вида способ поведения. В ситуациях, когда одна или несколько собак вполне способны контролировать происходящие события, лай быстро стихает, если слух, зрение или обоняние не сигнализируют о чем-нибудь подозрительном. Когда же контроль за происходящим затруднен (в темноте или в незнакомой обстановке), собака лает гораздо дольше, хотя повод может оказаться значительно менее серьезным, чем в хорошо знакомой и контролируемой обстановке. Лай собаки, занимающей более высокое иерархическое положение, вызывает беспокойство всех остальных членов стаи или группы. Предупредительное же воздействие лая особи, находящейся в подчиненном положении, гораздо слабее.

Нашу собственную способность истолковывать настроения своих питомцев мы можем без труда развить настолько, что в этом смысле будем порой даже превосходить собаку. Случается, что одна собака не реагирует заметно на легкие изменения в настроении другой. Сошлюсь на пример своих такс. Способность кобелька разбираться в нюансах настроения отца,

скажем угадывать переход из игрового настроения в начальную стадию агрессивной защиты, оказалась не выше способностей любого члена моей семьи.

Многих ситуаций, отрицательно влияющих на отношение людей к собакам, можно было бы избежать, если бы люди научились понимать, что в том или ином случае выражает морда собаки. Кроме того, без понимания настроений собаки невозможно успешно ее обучать. Определенное воспитание необходимо, даже когда дело касается небольшой комнатной собаки с покладистым характером. Многие матери разрешают маленьким детям гладить и ласкать чужих собак, невзирая на то что животное разволновалось или уже проявляет признаки озлобления. Злобу или волнение могла вызвать какая-то другая собака — ребенок тут ни при чем. Но «козлом отпущения» оказывается порой именно он. Вот почему никогда не следует похлопывать или гладить совершенно незнакомую собаку. Это правило распространяется и на взрослых, но в первую очередь относится к детям, которые понятия не имеют, что собаки бывают злыми. Конечно, большинство собак настроено к детям вполне миролюбиво, но есть и исключения, а это — достаточно веское основание для осторожности.

Тот, кто не хочет рисковать, глядя незнакомую собаку, должен разбираться в мимике, позах и движениях, отражающих ее настроение. Если собака, пользуясь этими средствами выражения, проявляет недружелюбное отношение к незнакомому человеку, то, глядя ее, он берет всю ответственность на себя. Гладить такую собаку — значит навлекать на себя опасность. Никому ведь в голову не придет закинуть руку в машину, кромсающую инородные предметы. А возбужденная или рассерженная собака напоминает именно такую машину! По закону владелец собаки несет ответственность за ее опасные действия по отношению к людям и домашним животным. Но разумно ли, поправ законы природы, взывать потом к статьям юридических актов? Почти любая собака, в том числе добродушная легавая и крошечная декоративная, будучи спровоцированной, может представлять опасность для маленьких детей. Несведущий и ненаблюдательный человек, погладив, даже с хорошими намерениями, собаку, становится таким провоцирующим фактором. Так что не стоит быть «запанибрата» с незнакомой собакой, не получив на то согласия хозяина. Лишь домашние знают, в каких случаях их любимца дружелюбна к другим людям. Следует помнить, что собака способна испытывать одновременно два, казалось бы, совершенно различных настроения. Так, обе мои таксы, сидя у меня на руках, бывают агрессивными к чужой собаке или незнакомому человеку и в то же время испытывают самые дружеские чувства ко мне. Стоит только посмотреть, как меняются их мина и голоса, когда они смотрят на меня или когда перед ними

объект, вызывающий агрессивность. А если агрессивность особенно сильна, собака неожиданно, как бы по ошибке, мимоходом, может на миг обрушиться и на меня. Разъяренная, находящаяся под воздействием адреналина собака становится не в состоянии различать приятные и неприятные объекты.

Понимают ли собаки комичность ситуации?

Можно с полным основанием утверждать, что собаки обладают известным «чувством юмора». Конечно, строго говоря, это не то чувство юмора, к которому мы привыкли, а способность собак в определенных обстоятельствах реагировать на явления, которые мы, люди, воспринимаем как комические. Когда те или иные органы чувств сообщают животному противоречивые сведения о каком-то известном ему предмете или человеке, его реакцию можно сравнить с нашей в подобной ситуации. Но при этом оно не должно испытывать страха, ибо у напуганной собаки любые проявления «юмора» исчезнут. Позвольте привести пример явной демонстрации собачьего «чувства юмора». Собака видит, что один из членов семьи одет как-то необычно. Возможно, и лицо у него не совсем обычное (в таком случае воздействие всегда сильнее). Но по запаху или голосу собака узнает хорошо знакомого ей человека. И тогда она начинает совершать всевозможные прыжки, издавать разнообразные звуки, словом, будет вести себя «весело». Два из трех моих скотч-терьеров с энтузиазмом играли в такие игры с моими домашними, получая от этого истинное удовольствие. Чем необычнее была одежда и чем смешнее передвигался «ряженный», тем забавнее становилась игра для животных и тем нагляднее проявлялась их радость. Первая реакция всегда была такая: терьер выжидающе и внимательно следил за появлением переодетого человека в дверях, подмечая даже небольшие изменения в его внешности. На очки он реагировал сразу, даже если человек надевал очки с другой оправой. Но, чтобы реагировать на переодевания, собака должна быть в игровом настроении и ждать чего-то необычного от знакомых людей. Покрывало или парик на голове «актера» вызывали у моих собак бурный восторг: перед ними был человек, которого они хорошо знают, а выглядел он весьма странно!

Удивительно, но порой собака почти не обращает внимания на одежду человека, а в другой раз узнает его именно по одежде. Видимо, это объясняется тем, что люди переодеваются слишком часто, и животное, по крайней мере дома, не считает манеру одеваться сколько-нибудь важным отличительным признаком членов семьи. Только если одежда разительно отличается от обычной, собака заметит это. Обычно мужчины долго ходят в одном пальто, и собака приучается различать мужскую половину семьи как раз по верхней одежде. Любопытно,

Обонятельные ощущения для собаки — одни из главных. Мы и представить себе не можем, каким бы открылся нам окружающий мир, окажись мы вдруг способны чують запахи на «собачий манер». Крошечная комнатная собачка воспринимает едва уловимые запахи, о существовании которых мы даже не подозреваем. Слизистая органов обоняния собаки в 1000—10 000 раз чувствительнее слизистой оболочки носа человека, а участок мозга, ведающий обонянием, развит куда больше обонятельной доли нашего мозга. Очень важно и то, что собака способна запоминать запахи и связывать свои обонятельные ощущения с разнообразным опытом прошлого. Кстати, эта способность на удивление хорошо развита и у человека, хотя обонятельное восприятие для нас не столь уж важно. Ароматы и запахи, запомнившиеся с детства, при повторном восприятии даже в старости навевают яркие ассоциативные воспоминания о былом. Можно привести немало примеров, подтверждающих, что запахи, связанные с какими-то происшествиями, собака способна помнить всю последующую жизнь. Больше всего запоминаются ей ситуации, которые имели для нее скольконибудь негативный характер. И это понятно: животному весьма важно научиться осторожности, чтобы избегать опасностей. Однако и положительные эмоции, и связанные с ними обонятельные ощущения надолго остаются в собачьей памяти. Так, в годовалом возрасте мой шотландский терьер ввязался в жестокую драку с другим псом: крупный и сильный белый пойнтер из усадьбы на острове Лемписари не желал смириться с тем, что в его владениях объявился маленький незнакомец. Скотч-терьеру, разумеется, хорошенько досталось. Шесть лет спустя я вместе с ним вновь отправился на яхте в те же места, на сей раз с неизвестной моему четвероногому другу стороны, откуда усадьба не была даже видна. Вдруг километра за два до берега ветер принес знакомые запахи места, где мой пес некогда познал позорное поражение. Со вздыбленной шерстью он выскочил на палубу и, усевшись на нос яхты, принялся беспрестанно лаять и рычать, пока мы не подошли к берегу. Едва яхта коснулась причала, как мой шотландец тотчас спрыгнул на берег и мигом набросился на совершенно ему незнакомого пса весьма добродушного нрава — правда, тоже большого и белого; тот пришел полюбопытствовать, кто приехал и уж никак не ожидал такой каверзы. Выходит, все эти годы мой пес помнил запахи округи, в которой подвергся коварному нападению большой белой собаки. А то, что тут жила теперь совсем другая собака, смиренная и вовсе не помышлявшая о драке, было обстоятельством второстепенным. Ведь с запахами места ассоциировались воспоминания о вероломстве, и были они на-

столько сильны, что полностью подчинили себе поступки моего скотч-терьера.

Практика со всей определенностью подтверждает, что собака в состоянии воспринимать и одновременно подразделять множество разных запахов. Это позволяет утверждать, что обоняние у нее «аналитическое», и в этом смысле оно, очевидно, больше всего отличается от человеческого. Можно даже сказать, что собака воспринимает окружающую среду через некую «призму запахов». Разумеется, это не дает ей скольконибудь осязательного представления о форме предметов, зато позволяет довольно точно определять расстояния. Однако подобное восприятие запахов совершенно несопоставимо с тем, что дает наш собственный орган обоняния. Мы можем воспринять два знакомых запаха как некое обонятельное ощущение, но зачастую не в состоянии сразу определить, из чего складывается какое-то новое для нас сочетание. Способность собаки преследовать добычу, находить отдельные предметы и пищу в самых разнообразных условиях убедительно свидетельствует о том, что ей под силу различать самые слабые запахи даже на фоне других, чрезвычайно сильных. Человек весьма чувствителен к запаху лишь немногих веществ, в частности к меркаптану, который выделяется с дымом при производстве сульфатной целлюлозы. Этот запах разносится по воздуху и ощущается часто даже на расстоянии 150 километров от предприятия. Весьма вероятно, что собака способна чують множество разных запахов так же остро, как мы меркаптан. Однако гораздо важнее, что ей дано дифференцировать многие, одновременно несущиеся запахи.

Безусловно, для собаки может оказаться существенным и общее воздействие нескольких запахов, например, когда ей приходится отыскивать дорогу домой из незнакомого места. Путешествуя с хозяином в автомобиле, собака обычно внимательно принюхивается к запахам вокруг себя, хотя это и не всегда заметно со стороны. Стоит появиться необычному запаху, как она тотчас отреагирует, особенно если машина отклонилась от постоянного, ранее известного маршрута. Тогда она выставит морду из окна и начнет вынюхивать воздух, стараясь по запахам определить, нет ли тут чего интересного. На палубе судна собака не менее внимательно изучает запахи, которые несет с собой ветер. Так, одна моя такса с палубы теплохода, следовавшего в Стокгольм, сумела безошибочно определить момент прохождения судном островка, где мы бывали с ней летом. И это несмотря на то, что ветер дул с противоположной стороны и у собаки не было возможности обозреть пейзаж! Она почуяла и распознала запахи, которые — а это было ей известно по пребыванию на острове летом — ветер доносит с материка, находящегося в трех километрах оттуда. Значит, собаке не требовалось увидеть сам островок, чтобы

что собака не отреагирует как-то необычно, если хозяин выйдет с ней на прогулку, скажем, в ночной пижаме. Но зато какой будет реакция, если одеться так, словно вы собрались в деревню или на охоту! Собака быстро сопоставит эту одежду с предстоящей поездкой туда, где она сможет дать волю своим инстинктам.

Способность собак определять время

Суточный ритм собак отличается от такового у волков. От изначального, частично ночного образа жизни волка в поведении собаки осталось немного. Собака обычно не передвигается по ночам, а, подобно человеку, в это время спит. К тому же она много спит и днем. Вместе с тем у нее довольно хорошо развита способность предвидеть что-то для себя выгодное или просто приятное как раз в то время, когда это должно произойти. Этот феномен известен многим владельцам собак. Чем четче день животного разделен на отдельные циклы, повторяющиеся изо дня в день в равномерных отрезках времени, тем точнее оно знает о приближении какого-то события. В городе суточный ритм семьи, как правило, не столь строг, чтобы собака могла, например, предугадать возвращение домашних с работы с точностью до получаса. Собака выучивает распорядок дня, и у нее есть способность, сходная с человеческой, определять время наступления тех или иных событий. К сожалению, мы не знаем, насколько точно срабатывают эти «внутренние часы» животного в выгодных для него обстоятельствах. В моей же семье таксы с точностью до 20 минут определяли время прихода главы семьи на завтрак. Мое возвращение домой к обеду они вычисляли далеко не столь точно и больше реагировали на то, когда меня ждали домашние. У таксы-матери была интересная особенность: почти каждый вечер, часа через два после обеда, она звала мою жену варить кофе. Делала она это так: пристально смотрела на жену и, если этого оказывалось недостаточно, принималась лаять. Причем побуждал ее к этому не голод, а скорее традиция и иногда обыкновенная жадность — вдруг что-нибудь и ей перепадет. По существу же собаку интересовал не сам сбор домочадцев, а заведенный ритуал.

На вечернюю прогулку собаки просились независимо от того, побуждала ли их к этому физиология, ибо иногда успевали оправиться еще во время «внепланового» выхода на двор. Просто прогулка для них — занятие в любом случае интересное. Когда говорят о способности собаки точно предугадывать события, необходимо помнить, что мы сами невольно становимся для животных верными сигналами предстоящего действия.

Может ли собака различать картины, фильмы, реагировать на телефонные звонки

Очень многие собаки вполне определенно реагируют на различные картины, но лишь на те, на которых запечатлен важный для них предмет, под правильным углом зрения и на некотором удалении. Небольшие картины при рассмотрении вблизи не вызывают у животного никаких реакций, которые говорили бы о способности понимать их содержание. Одних собак занимают развешанные на стенах картины с изображением сородичей и — в некоторой степени — предметов, которые могут как-то их заинтересовать. Других такая картина «волнует» лишь при первом показе: они ее обнюхивают и даже пытаются заглянуть за холст. Убедившись, что это всего лишь картина, собака больше на нее не реагирует. Но есть собаки, которые, даже рассмотрев картину вблизи и удостоверившись, что ее «герои» неживые, и в дальнейшем будут проявлять интерес к живописи. Первая моя такса была именно такой любительницей.

Телефильмы о животных с множеством живых голосов могут вызывать у собак большой интерес. Собака порой по нескольку минут внимательно следит за происходящим и будет продолжать смотреть, даже когда убедится, что это кино. А лаящая с экрана собака вызывает у некоторых четвероногих зрителей ответный неистовый лай. Их не смущает, что «подруга» неживая. Более спокойные собаки просто внимательно взирают на «героинь» телеэкрана. Голоса животных, на которых чаще всего охотится собака, тоже не пробуждают в ней особых чувств, кроме желания наблюдать. Волчий вой возбуждает лишь интерес, а не страх или лай. Голос неясности у моей младшей таксы вызвал чрезвычайный интерес: дело в том, что хищница однажды спикировала на нее. Да и другие мои собаки, некоторые даже не зная голоса этой птицы в природе, явственно реагировали на ее «ауканье».

Из сказанного можно, вероятно, сделать следующий вывод: собака, подобно человеку, знает, что картины или кинофильмы не являются реальностью, в которую она может как-то вмещиваться, но при этом, как и человек, реагирует на их содержание; об этом свидетельствует ее интерес к картинам и фильмам с изображением и голосами животных. Но просмотр фильмов собаку утомляет. Бывает, что, посмотрев фильм несколько минут, собака неожиданно задремлет; это — явный признак утомления. Дольше других мои собаки смотрят фильмы, содержание которых в жизни вызывает у них охотничьи инстинкты или агрессивность. Любительница охоты младшая такса фильмами о животных интересовалась больше своей матери.

Увидев как-то одного из домашних по телевидению, мои со-